

## БЫТИЙНЫЕ РАЗМЕРНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»

Философское знание в конечном счете всегда «антропоцентрично». Даже в постмодернистском дискурсе, объявившем о «смерти» всех субстанциональных оснований и субъективных онтологий философствования, человек продолжает выступать (пусть и контрабандным образом) в качестве «подразумеваемой точки отсчета», символического «наблюдателя» за трансформациями бытия и имманентностями его смыслополагания.

Говоря языком Хайдеггера, человек присутствует... даже своим отсутствием. Он – контекстуальный «исток» всех гносеологических манифестаций сущего и «свидетель» его разнообразных бифуркационных «деконструкций». Более того, без «человекоразмерностей» бытия само бытие (вне человека) утрачивает «носителя языка». Именно человек наделяет все сущее «возможностью сказаться», заявить о своих глубинных импликациях. Благодаря человеческим резонансам с «вирту(ре)альными» событиями бытия они начинают «самопроговариваться» в своей изначальности, эксплицировать себя своими тождествами и различиями.

Как нам представляется, мифологическая метафора о единстве микрокосма человеческого взгляда на бытие и макрокосма вселенной архитектуры сущего не должна трактоваться лишь как эвристический мыслеобраз, позволяющий взирать на мир «с человеческой точки зрения». Скорее, стоит согласиться с той версией «антропного космологического принципа», согласно которой именно человек является если и не «целью» бытия, то уж, наверняка, «смыслопорождающей матрицей» герменевтик его истолкования.

Когда в поэтическом безудержье Державин патетически заявляет: «Я царь! Я раб! Я Бог! Я червь!»;

Когда в философском восторге Кант говорит о том, что есть два абсолютных полюса нашего восхищения бытием – звездное небо над головой и экзистенциальные глубины нравственной тайнописи в самом человеке;

Когда с благоговением, смешанным с ужасом, Достоевский пророчески констатирует «слишком широк человек, я бы сузил»;

Когда, будто после исповеди у Бога, Пастернак сообщает миру о том, что в человеке пересекаются все темпоральности бытия и потому «он – вечности заложник, у времени в плену»;

Когда в некоем богоборческом экстазе Маршалль предписывает человеку «Не бойся Бога, бойся самого себя! Ад и рай находятся в твоей собственной душе..!»

Тогда начинаешь проникаться убежденностью в том, что абсолютное и относительное, бесконечное и конечное, прерывное и непрерывное, божественное и профанное возможны и действительны в качестве феноменов самого бытия только потому, что у них есть свой бытийный Гомер.

И одновременно свой великий «блудный сын» по катакомбам сокровенных сущностей. Гегелевский провокатор, побуждающий (абсолютно спящий) Мировой Разум выйти из своего вневременного забвения и отважиться на героическую одиссею поисков Абсолютной Истины в «своем Ином»! В человеке!